

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери
Зов серебра

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн серии *П. Петрова*

Художественное оформление *К. Гусарева*

Ранее роман выходил под названием
«Дежавю, или Час перед рассветом»

Корсакова, Татьяна.

К69 Час перед рассветом : [роман] / Татьяна
Корсакова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-098645-3

Тринадцать лет назад в старом графском поместье произошла трагедия. Жертвой стала девушка, возлюбленная Дэна. Прошлое не забылось, и теперь главные участники тех событий вернулись, чтобы попытаться разгадать загадку самой темной ночи. Кто-то ищет богатства, кто-то — справедливости, а Дэн — свою потерянную, но не забытую любовь.

Все игроки на местах. Самая темная ночь возвращается, и в этот раз пламя ее костра вспыхнет с новой силой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098645-3

ДЭН

После унылой про-

хлады Хельсинки московский зной казался просто тропическим. Нагретый солнцем асфальт плавился под колесами машины, словно карамель. Над ним клубилось зыбкое море, отчего дорога казалась политой маслом. Дэн полной грудью вдохнул сладкий дым отечества, включил климат-контроль и едва ли не на полную мощность врубил «Апокалиптику».

Он устал, чертовски устал. Он работал как каторжный, без выходных и проходных последние несколько лет. Работал на износ, не жалея ни себя, ни подчиненных, по кирпичику строя свою маленькую империю. А вчера в Хельсинки он подписал контракт, который позволит если не расслабиться, то хотя бы перевести дух, расширить производство, доукомплектовать штат и даже — о, чудо! — смотаться наконец куда-нибудь в далекие края на отдых. Может быть, в Индию. Или на Большой Барьерный риф...

В кармане, пытаясь заглушить «Апокалиптику», заиграл мобильный. «А по лесам бродят санитары!..»

Дэн улыбнулся, выключил музыку, плечом прижал к уху трубку. Только один человек имел такие специфические позывные. Человек, с которым он не виделся уже почти тринадцать лет, но тем не менее продолжал поддерживать связь.

— Рад тебя слышать, Гальяно!

— А видеть? — донеслось из трубки. — Где тебя носит, Киреев? Приглашаешь товарища в гости, а сам сваливаешь неизвестно в какие дали!

— А ты где? — Дэн бросил быстрый взгляд на спидометр.

Да, он приглашал Гальяно в гости. Каждый год, а то и чаще. Но никак не рассчитывал, что друг придет вот так, без предварительного звонка.

— А я тут, прямо перед твоей бронированной дверью. Сижу, понимаешь ли, на ступеньках, тоскую. Ты-то сам где? Ты хоть в Москве сейчас, Киреев?

Дэн снова глянул на спидометр, прибавил газу, спросил:

— Еще час на ступеньках посидишь? Я уже лечу!

— Еще час посижу. Куда ж я денусь? А ты откуда летишь, сокол сизокрылый?

— Из Хельсинки.

— Границу хоть перелетел?

— Перелетел, не переживай. Там, в квартале от дома, кафе есть хорошее, можешь подождать с комфортом.

— Да ладно, мне и на лестнице хорошо. Соседки у тебя красивые, длинноногие такие соседки. На-

стоящие столичные штучки. Ходят вверх-вниз, волнуют сердце провинциального хлопца.

Насколько Дэн помнил, сердце провинциального хлопца вот уже больше года было занято прекрасной дамой с говорящим именем Любовь, но... горбатого могила исправит.

— Все, не скучай, скоро буду! — бросил он в трубку и отключил связь.

Гальяно приехал! На душе вдруг стало тепло и тревожно одновременно. Воскресли воспоминания, которые до сих пор, по прошествии тринадцати лет, причиняли ему почти физическую боль, раз за разом возвращая в прошлое: на берег ведьминога затона, в самую темную ночь, к мертвой Ксанке, с которой тогда, тринадцать лет назад, ему не позволили даже попрощаться...

Им сказали, что она утонула в затоне той проклятой ночью, что тело ее достали из реки через сутки. Их не позвали на опознание, это не понадобилось: Ксанку опознали вернувшиеся с отдыха родители и сразу увезли хоронить в Москву. Дэн не знает главного — где ее могила, куда можно прийти, чтобы сказать, как сильно ему ее не хватает. Не хватает даже сейчас...

Он искал Ксанку даже после смерти девушки, пытался реанимировать в сердце ее образ, вспомнить ее лицо. Почти пять лет его тогдашней жизни превратились в череду надгробий, припорошенных увядшими цветами могил, склепов и колумбариев. Дэн искал Ксанкину могилу. Методично, с пугающей родителей настойчивостью осматривал кладбище за кладбищем. Единственное, что у него было, это фамилия — Пашутина. Вот та скупая ин-

формация, которой поделился с ним следователь Васютин. Дэн начал со столичных кладбищ, через два года перешел на подмосковные...

Их оказалось десятки — женщин, девушек и девочек с фамилией Пашутина. Но среди них не было ни одной Ксении, ни одной Оксаны... После каждой такой вылазки на кладбище Дэн заболел, замыкался в себе, терял надежду, но проходило время, и он снова принимался за поиски.

Эти граничащие с сумасшествием поиски длились до тех пор, пока с инсультом не слег отец, до тех пор пока мама, пряча слезы, не сказала, что пришло время подумать и о живых. И Дэн сдался, оставил надежду найти могилу Ксанки. Почти оставил... Всего одно кладбище в месяц, в три месяца, в полгода. Из года в год...

А жизнь его тем временем понемногу налаживалась. В его жизни появилась учеба в университете, потом стажировка за границей, потом начатый еще отцом бизнес. В его жизни появились новые друзья и новые девушки, хрупкие, синеглазые, черноволосые, похожие на Ксанку. Наверное, похожие, потому что Дэн так и не смог вспомнить ее лицо. Прошлое почти отпустило.

Он женился на одной из таких черноволосых, синеглазых, без любви, под мягким нажимом мамы, не теряющей надежды увидеть внуков. Из затеи с женитьбой не вышло ничего хорошего. Дэн понимал это еще тогда, но особенно остро осознал теперь, когда перед отлетом в Хельсинки подал заявление о разводе. Его жена не удивилась и не расстроилась. Она была хорошей и славной, наверное, в чем-то она даже походила на Ксанку, но она не

была его судьбой ни тогда, ни сейчас. Все эти годы они оставались чужими друг другу, оба мучились, оба задыхались в тисках нелюбви. Как Дэн ни старался, а прошлое его не отпустило.

И вот сегодня прошлое приехало из пыльного провинциального городка, уселось на ступеньках перед его дверью и жаждет встречи. Он тоже жаждет. Честное слово! Отчего же тогда так больно и откуда в кондиционированном воздухе салона горький запах гари?

Запарковаться во дворе удалось только чудом. Дэн втиснул свой внедорожник между соседским «жигуленком» и заползшей передними колесами на газон маршруткой. Вверх по лестнице он поднимался почти бегом, не обращая внимания на тяжесть болтающейся на плече дорожной сумки. Звонкий девичий смех и вкрадчивый мужской баритон он услышал почти сразу.

— ...Вы поразительно, просто невероятно проницательны, — щебетала Машенька, соседка из квартиры напротив. — Не понимаю, просто ума не приложу, как вы догадались! Я никому об этом не рассказывала, я об этом даже и не вспоминаю.

— Интуиция, Мари! Интуиция, помноженная на богатый жизненный опыт. — Голос Гальяно был полон сдержанного достоинства и еще чего-то такого, отчего Дэну и самому захотелось поверить и в интуицию, и в богатый жизненный опыт. — Если бы вы только знали, сколько всего мне довелось пережить, Мари! Если бы только могли поверить...

Прерывать такой занимательный разговор Дэну было неловко, но, во-первых, Гальяно приехал в гости к нему, а не к Машеньке, во-вторых, у Машеньки

имелся ухажер, который давно и настойчиво метил на роль мужа, а в-третьих, у Гальяно была его огнегрявая Любаша, поэтому Дэн деликатно кашлянул и сообщил:

— Ну, вот я и прилетел! Здорово, старик. Здравствуйте, Маша.

Соседка Машенька зыркнула на него недобрым глазом, кивнула вежливо, но не слишком приветливо и, не сводя зачарованного взгляда с Гальяно, попятилась к своей полуприкрытой двери. «Мы еще увидимся» — читалось в ее взгляде.

— Мы непременно еще увидимся! — пообещал Гальяно и всем корпусом развернулся к Дэну. — Прилетел, сокол мой ясный! Не прошло и полгода!

Они не виделись тринадцать лет, и если к изменившемуся голосу Гальяно за эти годы Дэн успел привыкнуть, то метаморфозы, произошедшие с внешностью друга, заставили его на время потерять дар речи.

Пижон! Вот первое, что пришло на ум. Провинциальный хлопец Вася Гальянов выглядел едва ли не бóльшим москвичом, чем он сам. Щегольские, начищенные туфли, узкие джинсы, стильный пиджак и белоснежная, до хруста накрахмаленная сорочка. Как вся эта красота пережила ночь в поезде, Дэн не имел ни малейшего представления. Но факт оставался фактом — Гальяно был свеж и ясен как новорожденный день и держался с достоинством английского лорда. От того нескладного прыщавого парня, которого Дэн знал много лет назад, не осталось ничего, кроме длинных, стянутых в хвост волос. Дорогой парфюм, наглый взгляд, обаятель-

ная ухмылка, трехдневная щетина, уголок шелкового платка в кармане пиджака... Пижон!

Они разглядывали друг друга долго и внимательно, словно знакомились по новой. На лице Гальяно отразились сначала удивление, потом узнавание, потом радость, а потом с громким воплем «братуха!» он кинулся обниматься.

Их приветствие было по-мальчишески бурным и несдержанным. Крепкие мужские объятия растопили тонкий лед разделявших их лет.

— Как здорово, что ты приехал! — сказал Дэн, подхватывая с пола чемодан Гальяно.

— Да, здорово, что я приехал! — Гальяно широко улыбнулся и стрельнул взглядом на дверь, за которой, Дэн был в этом абсолютно уверен, притаилась соседка Машенька. — Ну, показывай мне свою берлогу!

Они сидели на кухне за наскоро накрытым столом, пили шотландский виски, закусывали найденными в недрах Дэнова холодильника ветчиной и сыром, курили привезенные Гальяно тонкие кубинские сигары.

— Так говоришь, расходитесь полюбовно? — Гальяно, довольный, сытый и слегка пьяный, покусывал кончик сигары и был в этот момент похож на потомка дона Карлеоне.

— Полюбовно. — Дэн разлил по стаканам оставшийся виски. — Давно нужно было, да все духу не хватало. Ни у меня, ни у нее. А теперь вот... У нее новая любовь, планы на будущее.

— А у тебя?

— И у меня планы. Только больше деловые, расширяю производство.

— А со спортом, что же, завязал?

— Перешел из профессиональной лиги в любительскую. Тренажерный зал, и тот от случая к случаю. Времени нет, Гальяно. Почти ни на что нет времени.

— А по тебе и не скажешь. — Гальяно отхлебнул виски. — Выглядишь молодцом. Я же надеялся, что краше меня теперь никого не сыскать, а ты меня переплюнул, черт побери! Ну точно скандинавский бог! — добавил он не без зависти.

— Так уж и бог, — отмахнулся Дэн. Виски растекался по телу жаркой волной, заставлял позабыть и о проблемах, и о накопившейся усталости. — Сам-то как? Как твоя Любаша?

— Любаша... — Гальяно враз помрачнел, — а Любаша уже не наша! — сказал с несвойственной ему горечью. — Променила меня на колбасного короля. Представляешь — колбасного! Ладно бы на нефтяного или, на худой конец, алюминиевого, а то ведь на сосиски и сервелат променила. Ей, видите ли, со мной тяжело. Я, видите ли, слишком сложно устроен, и вообще мы с ней не пара. Год были парой, а теперь вот не пара! А я ведь из-за нее... — Гальяно воздел очи к потолку... — Братуха, я ведь ради нее всем пожертвовал. За год ни одной интрижки, даже посмотреть на других женщин не смел, от греха подалее.

— От греха подалее? — усмехнулся Дэн.

— Соблазны, искушения, — вздохнул Гальяно. — Ах, как меня искушали! Ты бы видел, какие львицы ко мне ластились. А она меня на сервелат... на венские сосиски...

— Любишь ее? — спросил Дэн.

— А вот и не знаю, — сказал Гальяно растерянно. — Год жизни с человеком под одной крышей, практически как муж и жена. Понимаешь? За один день такое не забудешь, но... — Он хлопнул ладонью по столу с такой силой, что в бокалах звякнули кубики льда. — Но я стараюсь. Вот в Москву выбрался, чтобы развеяться. Осточертело все! Бросил дела, и вперед, в пампасы!

— А занимался чем?

Насколько знал Дэн, занятия Гальяно были так же удивительны и многогранны, как и его натура. Еще год назад он числился совладельцем тату-салона, а параллельно оказывал населению — кто бы мог подумать! — магические услуги. А что увлекло друга на сей раз, Дэн даже не брался предположить.

— Психоаналитик! — сообщил Гальяно и одним махом осушил свой бокал. — Собственный кабинет, широкая практика, авторитет и определенный вес в профессиональных кругах, — добавил он не без гордости.

— А магический салон?

— Завязал. — Гальяно вдруг сделался серьезным. — Знаешь, старик, довелось тут недавно столкнуться с такими вещами... Вот типа того, что с нами тогда приключились. — Он посмотрел на Дэна внимательно и настороженно, словно ждал насмешек и осуждения. — Чертовщина такая, врагу не пожелаешь. Оно как поперло...

— Что? — спросил Дэн.

— Вот это самое — ненормальное. То есть даже паранормальное. Я сейчас скажу.. ты не смейся только.

— Я не смеюсь.

— Это хорошо, думал бы, что станешь смеяться, ни за что бы не рассказал. — Гальяно немного помолчал, а потом сказал шепотом: — Я, похоже, медиум.

— Кто ты? — не понял Дэн.

— Медиум. Ну, медиумы — это типа такие странные ребята, которые умеют общаться с душами умерших. Спиритические сеансы и все такое...

— И ты умеешь? — Сердце вдруг забилося так часто, что стало тяжело дышать. — Умеешь, Гальяно?!

— Однажды вызвал на свою голову, — Гальяно кивнул. — Прикинь, ведь думал, что ваньку валяю, положила руку на сердце, просто разводил клиенток на бабки. Как в детстве, знаешь? — Он закрыл глаза и заговорил загробным голосом: — Дух Петра Первого, приди! Дух Петра Первого, взываю к тебе!

— И?..

— И он пришел!

— Дух Петра Первого?

— Нет, другого перца, но тоже, я тебе скажу, одиозного мужика. Это долгая история, братуха, я до сих пор от нее отойти не могу. Кто б рассказал, не поверил бы, что такое вообще бывает. Я же циник прожженный, циник и лирик. А тут оказывается, еще и медиум. — Гальяно устало пожал плечами. — Были у меня кое-какие таланты, не без того. В человеческой, а особенно дамской, психологии я всегда хорошо разбирался. Ты же помнишь.

Дэн кивнул.

— И на местности я ориентируюсь неплохо. Не знаю, как объяснить... Ну вот нужно мне из пункта А в пункт Б кратчайшей дорогой, и я найду именно эту самую кратчайшую дорогу. Без карт и ком-

паса найду, понимаешь? Навигатор у меня в башке, как у перелетных птиц. Необычное, конечно, качество, но хотя бы полезное. А способности медиума...

— Бесплезные? — спросил Дэн, прислушиваясь к бестолковому трепыханию своего сердца.

— Страшные, я бы сказал. На свиданку к тебе ведь приходит не девочка-ромашка, а трехсотлетний хмырь с кучей комплексов.

— А если позвать девочку-ромашку? — Вот он и задал мучивший его все эти бесконечно долгие мгновения вопрос.

— Ксанку? — Гальяно понял его с полуслова, устало потер глаза. — Ты ее так и не забыл?

— Не могу. Вспомнить ее не могу, и забыть никак не получается. Поможешь? — Теперь уже Дэн смотрел на Гальяно так, словно боялся осуждения и насмешек. Кому-нибудь другому и не сказал бы такое никогда.

— Я не знаю. Честное слово, старик, не знаю. У меня и получилось-то только один раз. Случайно, можно сказать, получилось. Он, тот призрак, сам на меня вышел, наверное. Собственно говоря, он не со мной связаться хотел, а с клиенткой моей.

— Может быть, она тоже захочет, — сказал Дэн едва слышно.

Гальяно долго молчал, что-то обдумывал, что-то взвешивал, а потом кивнул.

— Я попробую. Мне только кое-что прикупить нужно. Ну, свечи там, хрустальный шар... Они, может, и не нужны, но в тот раз так было: свечи, шар... Есть в вашей Москве что-то подобное?

— Найдем.